

лы, активно используются возможности участия представителей работодателей в работе ГАК.

Особое место в обеспечении практической направленности учебного процесса занимает разработка сборников задач, упражнений, тестовых заданий по дисциплинам специализаций и профилей, тематика проведения научно-практических конференций, круглых столов, секций, мастер-классов, в которых активную роль играют студенты. В последние годы должное внимание обращается на активизацию работы студенческих научных секций, в которых происходит научная обкатка, а затем участие в конференциях, конкурсах.

В заключение правомерно сделать вывод о том, что результаты правозащитной деятельности зависят от законодательной базы, готовности активного и умелого ее использования как в процессе обучения, так и в ходе прохождения практик, участия в работе научных секций, деятельности студенческой юридической консультации и ГЛАВНОЕ — в желании, стремлении стать востребованным человеком, готовым бескорыстно оказать помощь любому, в ней нуждающемуся.

Литература

1. Государственно-правовая защита, прав, свобод и законных интересов граждан в РФ: юридический справочник / Глуценко П. П., Кикоть В. Я., Степанов Д. Ю., Гревцов О. В. СПб., 2007.
2. Правозащитная деятельность правового государства: история и современность, теория и практика: мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. и 11–12 ноября 2010 г. / под общ. ред. Глуценко П. П., Сырых В. М. и Малько А. В. СПб.: Изд-во СПбАУиЭ, 2010.
3. Глуценко П. П., Кикоть В. Я. Теория и практика социально-правовой защиты конституционных прав, свобод и интересов граждан в РФ: учебник. М., 2006.

УДК 340.1

Б. П. Белозеров

М. М. Сперанский и его роль в формировании российского законодательства первой половины XIX в.

***B. P. Belozarov. M. M. Speranskiy and his role in formation of the Russian
legislation of the first part of the XIXth century***

Необходимость кодификационной работы вынудило Александра I создать комиссию, которую с 1810 г. возглавил М. М. Сперанский. Им была разработана концепция и основные направления всей кодификационной работы. Однако в 1812 г. М. М. Сперанский

The necessity for codification has forced Alexander I to create a commission, which was headed by M.M. Speranskii from 1810. The concept and the main direction of the entire codification work were developed by him. However, in 1812, M.M. Speranskii fell into dis-

Борис Петрович Белозеров — профессор кафедры «Теория и история государства и права» Санкт-Петербургского университета управления и экономики, член-корреспондент Международной академии наук высшей школы, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор.

© Б. П. Белозеров, 2013.

ранский попал в опалу и был отправлен в ссылку, где находился до 1816 г. Затем по велению императора являлся пензенским губернатором и генерал-губернатором Сибири, где соприкоснулся с вопиющим казнокрадством и чиновничьим произволом. По возвращении в Петербург представил в Правительствующий сенат отчет о положении дел в Сибирском крае, который определил 678 виновных в злоупотреблении властью и вынес им меры наказания. Только в 1826 г. Сперанский вернулся к работе по кодификации и в 1830 г. представил Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. и до царствования Николая I, кончая Манифестом 12 декабря 1825 г. Одновременно он руководил комиссией по составлению Свода законов Российской империи с января 1826 г. по 1832 г.

Ключевые слова: кодификация, полный свод законов, губернатор, генерал-губернатор, Особый Сибирский комитет.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44, лит. А; (812) 332-02-73; urfac_ime@rambler.ru.

grace and was sent into exile, where he has been until 1816. Then by the order of Emperor he was the governor of Penza and the governor-general of Siberia, where he came into contact with flagrant embezzlement of public funds and official arbitrariness. After returning to St. Petersburg M. Speranskii presented to the Governing Senate report on the state of affairs in the Siberian region, which identified 678 perpetrators of abuse of power and ordered them to punishment. Only in 1826 Speranskii went back to work on the codification and in 1830 introduced the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, and from 1649 until the reign of Nicholas I ending by Manifesto of December 12, 1825. At the same time he headed the committee that the compilation of the Laws of the Russian Empire in January 1826 at 1832.

Key words: Codification, absolute code, the Governor, governor-general, Special Committee of the Siberian.

Contact details: Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, 190103, Russian Federation; (812) 332-02-73; urfac_ime@rambler.ru.

Реформы первой половины XIX в., проведенные в системе центральных органов власти и управления, сопровождались и кодификацией действующего права. Основные направления работы были намечены в деятельности Уложенной комиссии в царствование Екатерины II. После вступления на престол Павла I вновь был поставлен вопрос о новом уложении, и в этих целях создается комиссия по подготовке сводного уложения, в котором были бы собраны все действующие законы из области уголовного, гражданского и государственного (административного) права. За время царствования Павла I комиссия успела подготовить 17 глав из сферы судопроизводства, 9 — вотчинного права, и 13 — по уголовному праву [6, с. 141].

В 1801 г., с восшествием на престол, Александр I заявил о том, что он связывает и себя рамками законности: «Закон должен быть для всех единственен. Коль скоро я себе позволю нарушать законы, кто тогда почтет за обязанность наблюдать их?..» [9, с. 440]. Стремление закрепить существующие порядки приводят и к идее систематизации законодательства. В данный период в этом направлении была проведена грандиозная работа, составившая целую эпоху в истории российского законодательства. Последним универсальным систематизированным сборником, охватывающим почти все отрасли русского права, было Соборное уложение 1649 г., по существу как бы небольшой свод законов. Но уже вскоре после его издания начал накапливаться новый правовой материал, в той или иной мере изменяющий, дополняющий и даже отменяющий отдельные его нормы. Поэтому в начале XVIII в. стали учреждаться комиссии по переработке и изданию нового уложения. При Петре I оно создано не было, но появилось несколько крупных законов, имеющих характер кодексов, прежде всего в области военного права — Артикул воинский, Краткое изображение процессов и др.

Большой размах кодификационная работа приобрела при Екатерине II. Однако деятельность 9 комиссий, последовательно создаваемых в XVIII в., оказалась бесплодной. К началу XIX в. неразбериха в законодательстве дошла до предела, что было одной из причин беспорядка и злоупотреблений в судах. Александр I уже в 1801 г. учредил новую, десятую по счету комиссию во главе с П. В. Завадовским, так называемую Комиссию составления законов. Император поручил ему обозреть прежние труды по гражданской части и представить план для их продолжения. Потом эта работа была поручена министру юстиции князю П. В. Лопухину и его товарищу (заместителю) Н. Н. Новосильцеву. Они сочли необходимым найти ученого юриста, но таковых в России в то время не было, и выбор пал на барона Густава Розенкампа, родом из Лифляндии, окончившего юридический факультет Лейпцигского университета. Этот человек, не знавший ни России, ни ее обычаев и законодательства, взялся за составление Уложения законов. Уволив из комиссии большую часть русских чиновников, Розенкамп заменил их немцами и французами. Все действующее законодательство потребовалось перевести на французский язык, чтобы Розенкамп и его иноземные помощники имели возможность хоть как-то с ним познакомиться. При переводе текстов законов, указов, уложений, написанных дьяками в свое время исключительно сложно, терялся смысл. Комиссия зашла в тупик на первой же стадии своей работы — в разборе законодательства России. «Многие не могли надивиться, как к составлению Уложения для величайшей в свете империи выбран предпочтительно перед всеми человек, не знающий ни законов, ни нравов, ни обычаев, ни даже русского языка», — заметил в своей книге М. Корф [5, с. 147–148].

Сперанский понимал, какая ответственность легла на Розенкампа, и сомневался в способности последнего выполнить порученное дело и, обращаясь к нему, предупреждал: «Вы призваны составить уложение для обширнейшей в свете империи, населенной разными языками, славящейся своею силою, рабством, разнообразием нравов и непостоянством законов» [13, с. 17–18]. Со времени Соборного уложения 1649 г. было издано около 50 тыс. законодательных актов, которые вплоть до 30-х годов XIX в. не были приведены в систему [1, с. 141]. Жизнь показала, что труды всех бывших комиссий сводились к выписке старых законов по отраслям права. К этой законодательной деятельности был привлечен М. М. Сперанский. 8 августа 1808 г. последовал указ Александра I о назначении его в комиссию по выработке уложения. Сперанский назначался одновременно товарищем министра юстиции. Он внес серьезные изменения в структуру комиссии. Вместо должностей референдаря и главного секретаря, которые занимал Розенкамп, должностей редакторов и их помощников Сперанский учредил должности начальников определений по каждому виду права: гражданского, уголовного, торгового, провинциального и др. Было сокращено 50 чел., подвизавшихся на разных должностях в комиссии.

Придавая особое значение разработке гражданского права, по предложению Сперанского создается специальный комитет по рассмотрению проекта Гражданского уложения в составе князя П. В. Лопухина, графа П. В. Завадовского, Н. Н. Новосильцева, князя А. Чарторыйского и др.

Бесперспективная работа отделения по гражданскому праву заставила Сперанского в секрете от Розенкампа создать под своим руководством небольшую группу для параллельной работы над проектом Гражданского уложения. Сперанский работал исключительно много, внося поправки и серьезные изменения. Ему пришлось поднять все старые нормы права, регулирующие в какой-то степени

гражданско-правовые отношения в Российской империи. Бесконечные противоречия, пробелы в праве, неразработанность целого ряда институтов и язык, недоступный для понимания не только населением, но и юристами, заставили Сперанского приступить к созданию проекта нового уложения. 1 января 1810 г. комиссия по разработке уложения законов была преобразована в комиссию при Государственном совете и Сперанский назначается ее директором. Розенкампф продолжал работать, но все, что он передавал на рассмотрение, отвергалось и переделывалось заново. Государственный совет в 1810 г. 43 раза рассматривал проект Гражданского уложения. Сам автор вносил их и сопровождал нужными объяснениями. При рассмотрении первых частей уложения Госсовет требовал от Сперанского по каждой статье ссылки на действующие или забытые русские законы. Сперанский вынужден был приводить аналогичные правовые нормы из огромного моря законов, указов и других источников. Сложностей при работе над уложением было немало. «Должно знать подробности всей работы, — писал он, — чтобы измерить ее трудности. Если бы комиссия была составлена, как, например, во Франции, из знаменитых юрисконсультов, совершенно сведущих в отечественном законе и его применении, если бы дело сие приготовлено было предшествующими сочинениями ученых людей; если бы потом окончательная редакция в том состояла, чтобы пересмотреть и свести воедино все материалы, то и тогда работа сия представляла бы еще множество затруднений; и тогда требовала бы она одна всего времени самого трудолюбивого и знающего редактора. Всем известно и состав нашей комиссии, и смесь наших законов, и совершенный недостаток всяческих юридических познаний» [5, с. 159].

Невзирая на все трудности, комиссия Сперанского за один год работы продвинула вперед дело подготовки не только Гражданского уложения, но также и разработки значительной части судебных уставов. При этом Сперанский испытывал на себе и на комиссии многие пакости, исходившие от Розенкампфа и некоторой части российских злопыхателей, в том числе и Н. М. Карамзина. Император Александр I был хорошо осведомлен об этом, и Розенкампф был выведен из состава комиссии.

Вполне понятно, что кодификация требовала глубокого научно-правового обоснования, четкого формулирования задач, и они были определены следующим образом:

- а) законы должны утверждаться на «непоколебимых основаниях права»;
- б) они должны определять все части государственного управления, пределы компетенции государственных органов, права и обязанности подданных в соответствии с «духом правления, политическим и естественным положением»;
- в) они должны располагаться по строгой системе;
- г) они должны содержать в себе правила для отправления правосудия.

Комиссии поручалось составить общие государственные законы для всей территории России. Из массы действующих законов следовало выбрать те, которые «наиболее полезны для блага народа и соответствуют духу нации и естественным условиям страны». Новое уложение предполагалось разделить на шесть частей:

- 1) «законы органические и коренные», определяющие правовой статус императора, его соотношение с правительственными органами и подданными;
- 2) «общие основания или начала права», т. е. формы права, его действие в пространстве и во времени, принципы толкования закона, перечень санкций, понятие лица, вещи, действия и обязательства, владения и собственности, способы их приобретения и прекращения;

- 3) общие гражданские законы о судоустройстве и судопроизводстве, разделении судебного процесса на части;
- 4) уголовные законы и устав благочиния;
- 5) способы приведения законов в исполнение, применение их на практике,
- 6) местные законы, применяемые при особых условиях, существующих в отдельных регионах страны.

Несмотря на огромные желания Сперанского, его трудолюбие и настойчивость, в положительном решении кодификации работа комиссии оказалась также бесплодной. Дело в том, что внимание Александра I было обращено на политическую ситуацию в России, а не на правовую. Царское правительство тревожили с начала 1818 г. слухи о возникновении тайных обществ антиправительственной направленности. Вскоре к царю начали поступать и мотивированные доносы на заговорщиков (декабристов): в конце 1820 г. — от уланского корнета А. Н. Роккова, в марте 1821 г. — от библиотекаря гвардейского штаба М. А. Грибовского. Следует отметить, что жизнь российского крестьянства, да и военных была нелегкой. Войны, особенно французское нашествие, унесли жизни 2 млн россиян только мужского пола и разорили страну. Целые губернии были опустошены, сотни деревень выжжены до основания. Многие города лежали в руинах. Москва почти вся сгорела, помещики же, чтобы компенсировать свои материальные потери, усиливали и без того варварскую эксплуатацию россиян. Надежда крестьян на то, что царь наградит их за патриотизм, не оправдалась. В манифесте Александра I от 30 августа 1814 г. император одаривал все сословия различными милостями. А о крестьянах было сказано буквально следующее: «Крестьяне, верный наш народ — да получит мзду свою от Бога!» Крестьянский люд, возвращенный под ярмо барщины, повсеместно роптал: «Мы избавили отечество от тирана, а нас опять тиранят господа!» [14, с. 66].

Александр I с юных лет запомнил предостережение своего воспитателя Ф. Ц. Лагарпа: «Ропот — это первые языки пламени, из которого рождается пожар революции». Поэтому в 1815–1819 гг., пытаясь решить крестьянский вопрос, чтобы избежать грозящего повторения пугачевщины, царь заявил о своем намерении отменить крепостное право и собрал до десятка проектов, разъяснявших, как это осуществить [14, с. 66]. Однако царь отложил все эти проекты в долгий ящик: с одной стороны, оппозиция большинства российских дворян, а с другой — революционный подъем 1820–1821 гг. в Европе побудили его отказаться от послабления в собственной стране. В те же годы, т. е. в 1815–1819 гг., царь собрал несколько проектов конституционных реформ и по тем же причинам всех их отвергнул. С 1820 г. до конца жизни Александр I оставался «главным блюстителем реакции, насаждаемой им в Европе собственными руками, а в России — руками Аракчеева, которого ранее он как бы придерживал возле себя на цепи, а теперь спустил на своих верноподданных». Главным проявлением аракчеевщины была расправа с недовольными. Крестьяне, обманутые в своих надеждах на отмену или хотя бы на ослабление помещичьего ярма, протестовали. За первую четверть XIX в. в России вспыхнуло больше 650 крестьянских волнений, причем 2/3 из них за 1815–1825 гг. Формы крестьянского протеста были разные — от верноподданнейших жалоб царю, которого крестьяне с этой целью буквально ловили на дорогах империи, и до вооруженных восстаний.

30 августа 1816 г. М. М. Сперанский возвращается на службу и назначается пензенским губернатором, чтобы «усердно службой очистить себя в полной мере». Это был пост гражданского губернатора. С первого дня он на своем посту развил бурную деятельность по наведению порядка и законности в губернии. Сперанский вникает во все стороны политической, экономической и юридической

жизни губернии, полностью очищает аппарат губернского правления от наглых, вороватых и неумных чиновников. Он принимает на службу молодых воспитанников пензенской духовной семинарии. За счет свежих сил активизировал деятельность чиновников уездной администрации, наладил скорое рассмотрение дел в суде, жалоб и заявлений посетителей, чем вызвал к себе симпатии разных социальных слоев населения. Двухлетняя губернаторская деятельность Сперанского позволила ему к новому 1819 г. официально заявить, что «губернию он привел в порядок» [7, с. 472]. Однако от императора он ответа не получил. Но 22 марта 1819 г. Александр I подписал указ о назначении его на должность уже сибирского генерал-губернатора. В рескрипте его величества от того же числа указывалось, что три года назад назначение его пензенским губернатором открыло «новый путь вашим дарованиям... Сей способ, по-моему мнению, был единственным, т. е. служением вашим дать всем возможность доказать явно, сколь враги ваши несправедливо оклеветали вас. Иначе призыв ваш в Петербург — не загладил бы в умах оставшиеся неприятные впечатления». Далее государь отмечал, что Сперанскому удалось заслужить общее доверие, управляя Пензенской губернией, что является «полезным началом предполагаемого способа, и ныне предстоит для исполнения сего наилучшая удобность — согласиться стать генерал-губернатором Сибирского края» [3, с. 105–106]. Император на восстановление порядка в Сибири отводил Сперанскому полтора-два года.

Вступив в должность, Сперанский соприкоснулся с вопиющими злоупотреблениями, с массовым произволом местных чиновников. Созданные Сперанским комиссии провели расследования злоупотреблений в Tobольской, Томской, Иркутской губерниях. В списке обвиняемых оказалось более 680 чел., а сумма взысканий с них составила 2 млн 847 тыс. руб. [3, с. 265] Только нижнеудимскому исправнику Лоскутову было предъявлено обвинение в разорительных поборах с населения уезда на сумму до 300 тыс. руб. При описи его имущества изъято в пользу казны наличными 100 тыс. руб. ассигнациями, а также золото, серебро, сервизы, меха. За ним числились табуны скота. Лоскутов был отстранен от должности и предан суду. Самодурство проявлял и иркутский губернатор Трескин, имевший поддержку со стороны высшей администрации. Сперанский сумел не только отстранить этого человека от должности, но и отдать под суд.

В конце января 1820 г. Сперанский в первом кратком отчете императору заявил, что возложенные задачи он сможет выполнить к маю текущего года, а поэтому дальнейшее пребывание его в Сибири не только не целесообразно, но даже может принести вред и это объяснял тем, что результаты его ревизии края пробудили у местного населения надежды на перемены к лучшему. Но для этого нужны новые люди, которые могли бы намеченные планы воплотить в жизнь. Таких людей в Сибири нет [3, с. 304].

Из Tobольска М. М. Сперанский выехал 8 февраля 1821 г. и прибыл в Петербург 22 марта. Но был принят императором лишь 6 июня, оставаясь сибирским генерал-губернатором, а затем почти ежедневно Александр I встречался со Сперанским и заслушивал его о сибирских делах. Все лето 1821 г. Сперанский был занят обработкой и подготовкой материалов по Сибири, которые следовало представить в специально созданный комитет — Особый Сибирский комитет. Положение этого края, его управление требовали коренной реорганизации, усиления управленческого органа. Особый Сибирский комитет возглавил В. П. Кочубей. На пяти заседаниях комитета М. М. Сперанский как генерал-губернатор доложил о массовых упущениях здесь в период губернаторства И. Б. Пестеля. 26 января 1822 г. вышел именной высочайший указ Правительствующему сенату по итогам ревизии Сибири и были оглашены степень виновности лиц, уличенных в ходе

следствия в злоупотреблениях, и меры наказания с учетом характера их проступков. Были составлены списки обвиняемых, в которые внесены 678 чел. Помимо списков в качестве обвиняемых проходили бывший сибирский генерал-губернатор и гражданские губернаторы Иркутской и Томской губерний.

По завершении всей отчетной работы по Сибири М. М. Сперанский фактически возглавил Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии и приступил к работе по кодификации права. Он является разработчиком и автором целого ряда нормативных актов, касающихся правового положения населения России. В 1822 г. для народов Сибири был издан специальный устав, подготовленный М. М. Сперанским. Согласно положениям устава, все «иностранцы» (нерусские) народы Сибири делились на оседлых, кочевых и бродячих. Оседлые приравнивались в правах и обязанностях к русским соответственно их сословной принадлежности. Кочевые и бродячие «иностранцы» подчинялись системе родового управления (стойбище или улус не менее чем в 15 семей, возглавляемых старостами). Для некоторых народностей создавались степные думы, возглавляемые родовой знатью [6, с. 142]. Была возобновлена работа над проектом гражданского уложения, а в 1823 г. и над торговым уложением. Император вникал в работу комиссии по составлению законодательства, но 19 ноября 1825 г. он скоропостижно скончался в Таганроге. Смерть его привела к династическому кризису. Поскольку Александр I умер бездетным, то царем должен был стать (по закону о престолонаследии) его следующий брат Константин. Но тот давно уже дал себе зарок «не лезть на трон» («задушат, как отца задушили»). В 1820 г. он вступил в морганатический брак с польской графиней Ж. Грудзинской, тем самым отрезав себе путь к трону. Александр I, убедившись, что его брат предпочел нецарственную жену царскому скипетру, 16 августа 1823 г. особым манифестом лишил Константина прав на престол и объявил наследником следующего из братьев — Николая [14, с. 73–74]. Этот манифест Александр упрятал в Успенский собор, где он и хранился до самой смерти царя в глубокой тайне. Отсюда и загорелся весь сыр-бор междоусобицы.

Как только Петербург узнал о смерти Александра I, власть и войска начали присягать Константину. 27 ноября присягнул ему и Николай. Константин же, со своей стороны, присягнул Николаю. Началась гонка фельдъегерей из Петербурга в Варшаву, где жил Константин как наместник Польши, и обратно. Николай просил Константина приехать в Петербург и сесть на трон. Константин отказывался и, в конце концов, Николай решил стать царем и назначил на 14 декабря присягу [14, с. 74]. Петербургский военный гарнизон ориентировался на то, что престол займет Константин. Иные офицеры видели в нем более способного к управлению империей наследника престола. Против Николая I как нового императора выступили полки и их командиры, прошедшие войну 1812 г. В боях с французами участвовали 115 офицеров. Даже 16-летний Никита Муравьев бежал на фронт из родительского дома. Все декабристы — участники войны были кавалерами боевых наград. Только за Бородинское сражение 6 из них, в том числе П. И. Пестель и М. С. Лунин, получили золотые шпаги с надписью «За храбрость». Именно война окончательно разбудила революционное сознание декабристов, поскольку свела их с простыми тружениками — крестьянами, ремесленниками и т. д. — не как господ с холопами, а как соратников в защите Отечества, и поэтому заставила их больше, чем когда-либо, задуматься над судьбами России и ее народа. Воздействие войны 1812 г. на будущих декабристов усилилось в заграничных походах 1813–1815 гг., когда они воочию увидели то, о чем знали только из европейской литературы и понаслышке: жизнь людей без крепостного права. Видеть русский народ, «первый в Европе по славе и могуществу»,

как они считали, в цепях крепостничества после исторических побед 1812–1815 гг. стало для них невыносимым [2, с. 105].

Расправа с декабристами вершилась жестоко. Всего было арестовано свыше 3 тыс. мятежников (500 офицеров и более 2,5 тыс. солдат). Суду был предан 121 декабрист: 61 член Северного общества и 60 — Южного. В числе их были звезды российского титулованного дворянства: 8 князей, 3 графа, 3 барона, 3 генерала, 23 полковника или подполковника и даже обер-прокурор Правительствующего сената. Все подсудимые были разделены по мерам наказания на 11 разрядов: 1-й (31 подсудимый) — к отсечению головы; 2-й — к вечной каторге и т. д.; 10-й и 11-й — к разжалованию в солдаты, пятерых суд поставил вне разрядов и приговорил к четвертованию (замененному повешением) — это П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и убийца Милорадовича — П. Г. Каховский. Более сотни декабристов после замены «отсечения головы» каторгой сослали в Сибирь, многих — с разжалованием в рядовые — направили на Кавказ воевать против горцев. Солдаты были биты шпицрутенами (многие из них насмерть), а потом разосланы в штрафные роты. Только в 1856 г. новый царь Александр II амнистировал декабристов. К этому времени в Сибири из 100 осужденных выжили 40. Остальные погибли на каторге и в ссылке.

Для расправы с главными преступниками Николай I назначил Верховный уголовный суд из 72 высших чиновников. Руководить работой суда он поручил М. М. Сперанскому, который в это время возглавлял Уложенную комиссию по созданию свода законов, вскоре преобразованную во Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, где он фактически исполнял обязанности главноуправляющего. Император знал, что Сперанский связан со многими заговорщиками, но ни в какие тайные общества не входил. Он лично вел со Сперанским продолжительную беседу и уверился в том, что в прежних своих взглядах Сперанский раскаялся. Безусловно, годы ссылки, его служебная катастрофа повлияли на изменение его идеологии политического либерализма, и он прочно вступил на путь политического практицизма. Он свои знания и энергию перенес на второстепенные технические усовершенствования существующего государственного строя вместо радикального его изменения. Это был иезуитский ход царя. Он рассчитывал, что Сперанский при всем желании быть мягким будет строгим, ибо малейшее снисхождение к нарушениям с его стороны было бы расценено как сочувствие декабристам и доказательство его связи с ними. Расчет царя полностью оправдался [14, с. 96].

Однако новый император понимал, что страна нуждается в преобразованиях. 6 декабря 1826 г. Для выработки плана преобразовательной деятельности был учрежден особый Комитет под председательством В. П. Кочубея. В состав этого комитета входили из прежних министров, кроме Кочубея, М. М. Сперанский, князь А. Н. Голицын и генералы граф П. А. Толстой, барон И. И. Дибич и И. В. Васильчиков, а делопроизводителями были назначены молодые статс-секретари Д. М. Блудов и Д. В. Дашков. В собственноручной записке, которую император вручил Кочубею при самом открытии этого комитета, занятия его должны были состоять, во-первых, в пересмотре и разборе бумаг, найденных в кабинете покойного императора Александра I. Видимо, Николай I рассчитывал в них почерпнуть много полезных мыслей и указаний о необходимых преобразованиях. Во-вторых, в пересмотре нынешнего государственного управления. В-третьих, в изложении мнения: 1) что предполагалось; 2) что есть; 3) что кончить оставалось бы. В-четвертых, в изложении мысли, что ныне хорошо, чего оставить нельзя, и чем заменить. В-пятых, какие материалы к сему употребить: 1) то, что

найден в кабинете; 2) то, что Балашову поручено было; 3) то, что сами члены предложат [10, с. 16]. Изложив программу деятельности комитета, Николай I обязал его председателя «еженедельно уведомлять меня при наших свиданиях об успехах дела, которые я посчитаю из важнейших моих занятий и обязанностей. Успех, который опытом докажется, будет лучшая награда трудящимся, а мне душевное утешение» [10, с. 16].

За четыре года регулярных заседаний Комитет подготовил два серьезных, но, разумеется, верноподданнейших проекта. Первым из них был проект сословной реформы. Вместо Табели о рангах Петра I, дававшей право военным и гражданским чинам получать дворянство в порядке выслуги, Комитет предложил установить такой порядок, при котором дворянство приобреталось бы только наследственно, по праву рождения и «высочайшему пожалованию». Комитет предложил создать для чиновников, купцов и буржуазной интеллигенции новые сословия — «чиновных», «именитых» и «почетных», которые освобождались бы, как и дворяне, от подушного оклада, рекрутского набора и телесных наказаний. Наконец, комитет, в дополнение к старому (1803 г.) указу «О вольных хлебопашцах», разрешил помещикам освобождать крестьян не только с землей, но и без земли, причем все освобожденные крестьяне должны были образовать еще одно сословие — «вольноотпущенных земледельцев».

Второй проект «Комитета 6 декабря» предусматривал административную реформу. Государственный совет сохранял лишь законодательные функции при царе, а Сенат разделялся на Правительствующий (высший орган исполнительной власти) и Судебный. Внешне здесь воплощался буржуазный принцип разделения властей — законодательной, исполнительной, судебной, но не для ограничения самодержавия, а для того чтобы упрочить его путем более четкого разграничения функций между всеми властями (одинаково бесправными перед самодержавием), что позволило бы усовершенствовать работу бюрократического аппарата [14, с. 109–110].

Оба проекта нисколько не вредили самодержавно-крепостническому строю, но вносили в него — не по существу, а по форме — кое-что новое. Именно это и возмутило непримиримых крепостников, и Николай I вынужден был надолго задержать первый и навсегда «похоронить» второй из проектов, «Комитета 6 декабря». М. М. Сперанский в 1826 г. предложил подготовить Полное собрание законов Российской империи, расположив законодательные акты в хронологическом порядке. Предстояло выявить и собрать значительное количество нормативных документов. После 1649 г. в России не осуществлялось ни официальная, ни частная публикация собраний законов. Многие законы вообще не публиковались, а размножались путем переписывания. Таких актов было обнаружено свыше 2 тыс. Составители проделали колоссальную работу по выявлению нормативных актов, их сличению и отбору. В составленный реестр отобранных актов вошли 53 239 наименований, изданных до начала царствования Николая I. К 1830 г. Полное собрание законов Российской империи было подготовлено и в апреле 1830 г. напечатано. Оно включало 40 толстых томов законов (30 920 актов) и 6 томов приложений (указатели, книга чертежей и рисунков) [8, с. 26]. В Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) не вошли акты, по существу не имеющие характера законов, поскольку само понятие «закон» в теории не было разработано. К этому изданию были напечатаны три тома приложений и указаний. Издание Полного собрания законов Российской империи имело исключительно важное значение. Оно приобрело уникальное историко-юридическое значение как источник формирования русского права. Но оно не годилось для повседневной работы, во-первых, потому, что было слишком громоздко, и, во-вторых,

главным образом потому, что в нем изобиловали устаревшие и отмененные законы [14, с. 111].

Следует особо отметить, что к работе над сводом Сперанский привлек профессоров Московского университета Д. Н. Замятина, К. И. Арсеньева, А. П. Куницына, М. Г. Плисова и др. Успеху способствовала и четкая организация дела: каждый сотрудник выполнял строго определенное задание, за его выполнением наблюдал сам Сперанский. По выражению Корфа, работу Второго отделения «можно было сравнить с благоустроенною фабрикой, где каждая часть в постоянном движении согласованно с общим» [4, с. 11]. Ежедневно в 7 часов вечера сотрудники собирались на «присутствие», где делались доклады и проверялись принесенные ими тетради с материалами. «Ни одна строчка... не оставалась без его (Сперанского) личной проверки и очень часто переделки», — вспоминал Корф. Каждое такое «присутствие», заканчивавшееся наставлением Сперанского, длилось за полночь. Это было хорошей школой для сотрудников. «Сколько тут слышал метких наблюдений, остроумных замечаний, тонких выводов» [там же].

Создав Полное собрание законов, дающее представление о том, как «законы образовывались, вырастали, изменялись», Сперанский, естественно, пошел дальше в своей кодификационной работе, т. е. до составления свода действующих законов. При его составлении действующий реформатор нередко был не только собирателем и систематизатором действующего права, но и истинным творцом многих юридических норм, особенно в области гражданского права. Взяв за образец все лучшие тогдашние кодексы (римский, французский, прусский и австрийский), Сперанский хотел, чтобы Свод был русским *Corpus juris*, «общим составом законов и в таком своем качестве должен он обнимать все части законодательства во всей совокупности».

Это была огромная и изнурительная работа по ревизии имеющихся законов. В этих целях при Министерстве юстиции создается особый комитет для собирания, систематизации действующих нормативных актов.

В отличие от Полного собрания свод включал только действующие законы, систематизированные не по хронологическому принципу, а по отраслевому (предметному). Свод законов Российской империи был составлен в 1832 г. Он состоял из 15 томов и включал в себя законы и иные нормативные акты, действовавшие до января 1833 г. [11, с. 31].

Подготовленный Свод содержал около 36 тыс. статей и 6 тыс. приложений. Он представлял собой новую форму действовавших ко времени его составления законов и имел силу лишь при условии соответствия его статей законам, включенным в Полное собрание законов. Систематизация законодательства в своде была осуществлена по системе, разработанной М. М. Сперанским, полагавшим, что «два союза, два порядка отношений необходимо в государстве: союз государственный и союз гражданский. Союз государственный есть внутренний и внешний; здесь вопрос только о первом. Союз гражданский есть или семейственный или союз по имуществам. Из союзов возникают права и обязанности. Те и другие определяются и охраняются законами. Отсюда два порядка законов: законы государственные и законы гражданские» [12, с. 118–119].

В соответствии с идеями Сперанского Свод делился на 8 главных отделов, помещенных в 15 томах. Структура свода была следующей:

1. Основные государственные законы (т. 1 ч. 1).
2. Учреждения: а) центральные (т. 1 ч. 2); б) местные (т. 2 ч. 2); в) уставы о службе государственной (т. 3).
3. Законы правительственных сил: а) устав о повинностях (т. 4); б) устав о податях и пошлинах (т. 5); в) устав таможенный (т. 6); г) уставы монет-

ный, горный и о соли (т. 7); д) уставы лесной, оброчных статей, арендных старостинских имений (т. 8).

4. Закон о состояниях (т. 9).

5. Законы гражданские, межевые (т. 10).

6. Уставы государственного благоустройства: а) уставы кредитный, торговый, промышленный (т. 11); б) уставы путей сообщения, строительный, пожарный, о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных селениях, о колониях иностранцев в империи (т. 12).

7. Уставы благочиния (закон о полиции): а) устав народного продовольствия, об общественном призрении и врачебной помощи (т. 13); б) устав о паспортах и беглых, о предупреждении и пресечении преступлений, о содержащихся под стражей, о ссыльных (т. 14).

8. Законы уголовные (т. 15 кн. 1). В книгу 2 этого же тома включали уголовно-процессуальные законы.

Таким образом, государственные законы подразделялись на 4 категории: а) законы основные; б) законы учреждения; в) законы государственных сил; г) законы о состояниях.

Сюда же относились предохранительные уставы (уставы благочиния) и законы уголовные. Гражданские законы подразделялись на 3 категории: а) законы союза семейственного; б) общие законы об имуществах и законы межевые, определяющие порядок «развода» границ владения; в) особенные законы об имуществах [11, с. 32].

Томы Свода законов имели сложную структуру: они делились на части, книги, разделы, главы, отделения и статьи. Каждая статья свода имела ссылку к номеру акта Полного собрания законов, который определял ее содержание с указанием времени его принятия. По мнению М. М. Сперанского, это не только делало статьи свода более значимыми и достоверными, но и позволяло полнее познать истинный смысл закона. Составители Свода могли формулировать статью, исходя из содержания одного нормативного акта, включенного в Полное собрание законов. При всей сложности структуры свода его составители сумели выделить совокупность правовых норм, регулирующих отношения в определенных сферах жизни. Так, впервые были выделены основные государственные законы, уголовное законодательство отделено от процессуального в специальном (10) томе, кодифицировано гражданское законодательство. В Своде имелись законы о сословиях, законы полицейские и административные. В основу структуры свода положено идущее от западноевропейских буржуазных концепций деление права на публичное и частное. Сперанский называл две этих группы законов государственными и гражданскими. Дальнейшее развитие правовой системы России происходило на основе сводов законов Российской империи, тех теоретических положений, которые были положены в его основу.

19 января 1833 г. состоялось заседание Государственного совета, посвященное обсуждению свода законов. При открытии заседания большую речь произнес император Николай I. Как вспоминал потом Сперанский, «государь говорил умно, как профессор». Сперанский сожалел, что не было стенографа для записи речи. Окончив говорить, Николай I подозвал Сперанского и возложил на него снятую с себя ленту ордена Андрея Первозванного (несколько позже Сперанский был награжден и орденом Белого орла за составление «Свода военных постановлений»). В тот день 19 января Государственный совет постановил: «Свод рассматривать как положительный закон, действие коего начинается с 1 января 1835 г.». Тем самым свод законов становился основным юридико-правовым актом Российской империи.

Занимаясь кодификацией законов, Сперанский столкнулся с необходимостью подготовки компетентных юристов, и именно им фактически было положено начало специальному юридическому образованию в России. В 1828 г. он представил императору «записку» о введении в университетах специального российского законоведения (в то время изучали преимущественно римское право). Он предлагал взять из Петербургской и Московской духовных академий «по три лучших» студента, кончивших курс, «поместить их в петербургский университет за казенный счет». Эти студенты должны были «каждый день являться во II отделение», где проходили «уроки русского публичного и гражданского права». Им вменялось в обязанность «читать лучшие юридические сочинения, с представлением письменных о них отчетов» (рефератов) и практически «упражняться в делопроизводстве». После «строгого экзамена» (его производили Сперанский и Балугьянский) этим студентам поручалось обучать в свою очередь «лучших из казенных студентов» Петербургского и Московского университетов в качестве «достойных себе помощников и преемников». Шесть избранных студентов на экзаменах доказали свою подготовленность. Сперанский решил отправить их для дальнейшего усовершенствования в один из иностранных университетов. Избран был Берлинский. Основатель и ректор его Александр Гумбольдт дал согласие. К шести студентам присоединили еще шесть других, отобранных из духовных академий и прослушавших курсы права в Петербургском университете. По требованию Сперанского студенты регулярно посылали ему «письменные отчеты» о своих занятиях. Во время зарубежных поездок в 1830 и 1832 гг. Сперанский дважды посетил Берлинский университет, «поговорил о занятиях с берлинскими профессорами» и затем сам лично убедился в успехах этих студентов. По возвращении в Россию они прошли еще практику во Втором отделении, а затем, по сдаче экзамена на степень доктора права, были направлены преподавателями юриспруденции в университеты. Из них Ф. В. Кранихфельд, К. А. Неволин и П. Г. Редкин стали видными учеными-правоведами, авторами книг и учебников по русскому праву.

В 1835 г. по предложению Сперанского было основано Императорское училище правоведения. Им же был разработан и устав этого училища. В нем должны были продолжить образование учащиеся Царскосельского лицея, чтобы стать государственными служащими. Из училища вышли видные правоведа, которые стали профессорами российских университетов. Именно воспитанники этого училища подготовили и провели судебную реформу 1864 г. — наиболее значимую (после крестьянской 1861 г.) из реформ 1860–1870 гг. Сперанский содействовал открытию Университета им. Святого Владимира в Киеве в 1834 г. и сам написал его устав.

Заслуги М. М. Сперанского в области права были увековечены в учреждении Министерством народного просвещения премии графа М. М. Сперанского. Этой премии удостоивались выдающиеся ученые, которые внесли достойный вклад в дело исследования русского права. Такая премия присуждалась министерством каждые три года только одному претенденту — ученому юридических факультетов императорских российских университетов по особой очереди, установленной между ними. 1 января 1910 г. министерством было объявлено о присуждении такой премии заслуженному профессору Василию Ивановичу Сергеевичу за подготовку и третье издание первого и второго томов его произведения «Древности русского права». Отзыв на данный труд дал профессор юридического факультета Юрьевского университета Ф. В. Тарановский. Он высоко оценил научную работу В. И. Сергеевича, посчитав, что она ложится в общую структуру задуманного Сперанским труда о подготовке полного свода законов от Древней Руси до наших дней.

Литература

1. *Васильев А. В.* Законодательство и правовая система дореволюционной России / под ред. С. А. Комарова. М.; СПб., 2004.
2. Восстание декабристов. Материалы и документы. М.; Л., 1927. Т. 4.
3. В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872.
4. *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1.
5. *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2.
6. *Кузнецов И. Н.* История государства и права России. Минск, 1999.
7. *Николаенко П. Д.* Князь В. П. Кочубей — первый министр внутренних дел. СПб.: СПб Университет МВД. 2009.
8. Российское законодательство X–XX вв. Законодательство первой половины XIX в. / под ред. О. И. Чистякова. Т. 6. М., 1988.
9. Русская старина. 1870 г. Т. 1.
10. Сборник Императорского Русского исторического общества (Сборник РИО). Т. 74. СПб., 1891.
11. *Скрипалёв Е. А., Штамм С. И., Клеандров В. М.* Развитие русского права в первой половине XIX в. М.: Книжная палата, 1994.
12. *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1837.
13. *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961.
14. *Троцкий Н. А.* Россия в XIX в.: курс лекций. М.: Высшая школа, 1987.

УДК 342.7:341

П. П. Глущенко, Т. М. Варюшенкова**Международно-правовые правозащитные нормы,
их место и роль в механизме правозащитной
деятельности РФ*****P. P. Glushchenko, T. M. Varyushenkova. International and legal human rights standards, their place and role in the mechanism of human rights of the Russian Federation***

Статья посвящена показу проблем внедрения международного правозащитного права в российскую правозащитную деятельность. В ней представлена история зарождения международной правозащитной деятельности и проблемы ее введения в институт правозащитной деятельности различных государств, и в первую очередь в РФ.

The article describes the implementation issues of international human rights in the Russian human rights activities. It considers the history of the birth of the international human rights activities and problems of its introduction to the institute of human rights activities of different states, especially in Russia.

Петр Петрович Глущенко — директор Юридического института Санкт-Петербургского университета управления и экономики, заведующий кафедрой «Конституционное и международное право» СПбУУиЭ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Татьяна Михайловна Варюшенкова — доцент кафедры «Конституционное и международное право» СПбУУиЭ.

© П. П. Глущенко, Т. М. Варюшенкова, 2013.